

КОНФЕРЕНЦИИ

Н. А. Харламов

Переосмысливаемая роль экономической социологии в эпоху позднего капитализма: панель «Экономическая социология как критика» на Первом социологическом форуме МСА¹

ХАРЛАМОВ Никита

Алексеевич – магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, исследователь Центра фундаментальной социологии Института гуманитарных историко-теоретических проблем ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: nkharlamov@hse.ru

Введение: На повестке дня — социологические исследования и общественные дискуссии

Вполне естественно, что вопросы о роли и назначении социологии являются важным элементом социологической деятельности. Предложенная Майклом Буравым идея «публичной социологии» (public sociology) привела к возникновению очередной волны переосмысления социологии и ее места в мире. Веские аргументы Буравого в пользу выделения четырех разновидностей социологии — профессиональной, прикладной (policy), критической, и публичной — и его утверждение, что публичная социология жизненно важна для будущего дисциплины и для развития демократического гражданского общества, очевидно, были услышаны в социологической среде. После целого ряда интереснейших презентаций, дискуссий, журнальных симпозиумов, конференций в Барселоне состоялся Первый социологический форум (First Forum of Sociology), организованный Международной социологической ассоциацией (МСА). 5–8 сентября 2008 г. стали днями, когда социологи со всего мира собрались для обсуждения зонтичной темы *Социологические исследования и общественные дискуссии* (Sociological Research and Public Debate).

Барселонский форум вполне можно было бы назвать *Форумом публичной социологии* (Forum for Public Sociology): идея пронизывала форум, просматривалась в каждом тематическом блоке, в структуре программы, в повестках дня пленарных и общих заседаний. Действительно, все три пленарных заседания были посвящены проблеме позиционирования социологии в том, что можно назвать публичными сферами

¹ Английская версия этой заметки будет опубликована в: ISA RC 02 Economy and Society Newsletter (Бюллетень Комитета 02. Хозяйство и общество. Международная социологическая ассоциация) в конце 2008 г. Автор выражает искреннюю благодарность Майклу Буравому, Эндрю Сэйеру, Сильвии Уолби и Джону Хольмвуду за их благожелательное содействие в написании этой заметки и за предоставленные ими материалы.

современного мира (а таковых, конечно, немало). Майкл Буравой, Альберто Мартинелли, Аллен Турен — имена докладчиков заключительного пленарного заседания говорят сами за себя.

Какое бы значение мы ни придавали суждениям об общих проблемах и дискуссиям по вопросам существования науки в целом, любая идея является относительно бесплодной, если не становится операциональной. Иначе говоря, если со временем она не проникает на уровень конкретных проблем и разработок в многочисленных полях и дисциплинах в сфере (социологической) науки. Тем более интересным для меня было наблюдать, как в ряде случаев именно это и происходило на барселонском форуме. (А как свидетельствуют рассказы коллег, таких случаев было гораздо больше, чем я в принципе мог бы застать лично: масштаб форума был внушителен, на нем зарегистрировалось более двух с половиной тысяч делегатов).

Об одном таком случае, который я считаю особенно показательным, и пойдет речь. Это панель *Экономическая социология как критика* (Economic Sociology as Critique) в программе заседаний Исследовательского комитета 02 «Хозяйство и общество» МСА. Предметом разговора стала одна из ключевых задач публичной социологии — задача критики. Панель вел Эндрю Сэйер из Ланкастерского университета (Великобритания). В качестве докладчиков помимо Сэйера выступили Сильвия Уолби, Майкл Буравой и Джон Хольмвуд (в порядке программы сессии). Для удобства читателя я сначала вкратце изложу содержание их докладов, а затем предложу небольшое собственное размышление.

Четыре доклада

Заседание открылось докладом Эндрю Сэйера (Andrew Sayer). Тема доклада совпадала с темой панели — Экономическая социология как критика. При помощи понятия критики Сэйер бросил вызов преобладающей сегодня новой экономической социологии. Он отметил, что критика сегодня часто сводится к всего лишь «рефлексивному отношению к собственной научной практике». Некоторые ученые критику и вовсе отрицают, ссылаясь на знаменитое различие Давида Юма между сущим и должным и используя аргумент, что оценочные описания (такие, как отсылки к «эксплуатации») не могут быть выведены из фактов. Другие утверждают, что ценности являются всего лишь субъективными феноменами и противоречат объективному «фактическому» описанию. Сэйер поставил различие «есть — должно» под вопрос и указал, что «долженствование» относится не к логическим отношениям, но к бытию, потребностям и к благополучию. По его мнению, ряд важных социальных феноменов возможно адекватно описать только с использованием этически нагруженных терминов, таких, как «угнетающий», «жестокий», «благосклонный». Поэтому критика практик является необходимой составляющей научного описания и объяснения: она служит ему мотивом и направляющим принципом. Эти аргументы Сэйер обратил к экономической социологии, заявив, что подчас она отождествляет (моральные) нормы с простыми соглашениями о координированных действиях. А это приводит к игнорированию тех самых моральных норм и концепций блага (conceptions of the good), которые конституируют и легитимируют хозяйственные институты. Сэйер завершил свой доклад утверждением, что критика и оценочные суждения о человеческом благополучии должны быть необходимой частью экономической социологии, коль скоро она стремится к тому, чтобы быть критической социальной наукой.

В докладе «Спорные варианты будущего хозяйства и общества» (Contested Futures of Economy and Society) Сильвия Уолби (Sylvia Walby), которая, как и Сэйер, является профессором Ланкастерского университета, обратилась к проблеме спорности понятия прогресса и к возможности понимания прогресса без постмодернистского его отрицания. Она предложила рассматривать четыре альтернативные концепции прогресса, которые сейчас находятся на повестке дня социальной и экономической науки. Это концепции:

экономического развития и роста; равенства; человеческих прав; и человеческого развития, благополучия и потенциальных возможностей. Уолби подробно остановилась на последней концепции, которая восходит к работам Амартии Сена. Сен² ввел различие между а) неиспользованными возможностями (capabilities) б) возможностями и субстантивными свободами выбора, и функциями (functionings) и в) вещами, благами и достигаемыми результатами. Альтернативные интерпретации этих понятий используются рядом международных организаций. Например, в Программе развития ООН (ПРООН, UNDP), в документе Цели развития тысячелетия ООН (ЦРТ ООН, UN MDG), а также в документах Ассоциации человеческого развития и потенциальностного подхода (Human Development and Capability Association, HDCA). Уолби предложила критику этих интерпретаций, указав на то, что ПРООН и ЦРТ ориентируются на функции, тогда как HDCA ориентируется на возможности и на выбор. Однако, по мнению Уолби, недостатком HDCA и подхода, ориентированного на возможности и выбор, является проблема «адаптирующихся предпочтений». Кроме того, такой подход в целом ограничивает потенциал комплексных прогрессивных повесток дня ПРООН и ЦРТ. В заключительных фразах Уолби указала, что помимо благополучия и возможностей крайне важно принимать во внимание и другие концепции прогресса, в частности концепцию равенства.

Третьим докладчиком был Майкл Буравой (Michael Burawoy) из Калифорнийского университета в Беркли (США). Тема его доклада — «Два пути по следам Поланьи: Экономическая социология versus публичная социология» (Two Roads from Polanyi: Economic Sociology versus Public Sociology). Опираясь на работы Карла Поланьи и рассматривая два пути, которыми можно развить его идеи, Буравой обосновал критическую позицию для экономической социологии. В первом случае, который Буравой назвал «Поланьи-1», экономическая социология (по мнению Буравого, она развилась в США как ответ на марксизм 1970-х гг.) позиционирует себя как исследование социальной укорененности рыночного хозяйства. По его словам, это позиция, заняв которую экономическая социология предлагает экономистам лучшую, опирающуюся на социологические выводы, точку зрения для их собственного анализа. Буравой противопоставил такой «укрошенной» версии Поланьи вариант «Поланьи-2». В этом втором случае происходит обращение к «историцистскому и динамическому» Поланьи как к убежденному критику товаризации и рыночного фундаментализма. Буравой развил программный аргумент «Великой трансформации» Поланьи о товаризации (commodification; хотя сам Поланьи этим термином еще не пользовался) земли и высказал суждение, что сейчас мир проходит «Третью волну становления рынка». Сущностью этой третьей волны является товаризация природы и окружающей среды. Буравой отметил, что опыт и переживание товаризации гораздо более очевидны и насущны, чем опыт эксплуатации. А значит, именно опыт товаризации несет в себе потенциал сопротивления и появления гражданского общества. По мнению Буравого, вызовом для экономической социологии является принятие точки зрения «Поланьи-2», точки зрения гражданского общества. Только так она может стать истинно критической социальной наукой. В ходе дискуссии Буравой отметил, что социология должна обращаться к общественностям на их собственных языках (а вовсе не на предположительно универсальном языке науки, как в смысле языка научных понятий, так и в смысле английского языка как «международного» научного языка).

Последний доклад «Возвращаясь к проблеме гражданства и рынков: “неолиберализм” и “неопрогрессизм”» (Citizenship and Markets Revisited: ‘Neo-Liberalism’ and ‘Neo-Progressivism’) представил Джон Хольмвуд (John Holmwood) из Бирмингемского Университета в Англии. В докладе оспаривалась широко распространенная точка зрения, что капитализм с необходимостью предполагает тотализирующую систему, в которой

² Об этом различии см.: Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. Е. Полецкой; науч. ред. Р. Нуреев. М.: Новое издательство, 2004 [1999]. С. 93–95.

экономическая логика пронизывает все отношения производства и потребления. Хольмвуд попытался вновь обосновать возможность прогрессивной политики путем исследования того, как социализм и социальные отношения конституируют конкретную действительную историю наравне с капитализмом и хозяйственными отношениями и в связи с ними, а вовсе не являются утопической альтернативой. Он оттолкнулся от критики современных неомарксистских и неовеберинских версий классового анализа, которые либо пытаются доказать, что класс не обязательно должен иметь значение для некоторых феноменов; либо в своем анализе пытаются обойти проблему того, что в наши дни люди не определяют самих себя в классовых терминах. Хольмвуд предложил встать на путь, альтернативный пути Маркса и Марксовой критики Гегеля, — на путь Гегеля, Дюркгейма и Поланьи. Идея Карла Поланьи о труде как о фиктивном товаре позволяет обнаружить, что трудовой контракт и обобщенный труд не являются в чистом виде последствиями капиталистической экономической логики. Напротив, по мнению Хольмвуда, они представляют собой вторжение социальных феноменов в реальность хозяйства. Другими словами, трудовой контракт является результатом политических процессов и социальных отношений. Альтернативу Хольмвуд видит в возвращении к гегелевскому различению случайности и необходимости применительно к форме собственности. А следовательно, — к переосмыслению роли государства в защите против случайных воздействий рынка и в то же время в закреплении положительных последствий товаризации, в частности свобод, которые ассоциируются с гражданским обществом и частным обменом. По мнению Хольмвуда, ведущая критическая роль в этом процессе должна принадлежать социологии.

Комментарий: Критика знаний, критика практик

На мой взгляд, в панели *Экономическая социология как критика* нашли свое отражение два значительных разочарования, разрушения иллюзий, которые в последние тридцать лет наблюдаются в экономической социологии и в социологической науке в целом. С одной стороны, это разочарование в идее свободной от ценностей и объективной науки. С другой стороны — это разочарование в возможностях описания и объяснения окружающего нас мира, которые есть у экономики и социологии, основанной исключительно на экономическом подходе и предпосылках рациональности. Парадоксально, что укрепление неолиберализма в качестве повестки дня в науке и в практике по времени совпало с широкомасштабным ренессансом марксистского духа, стремящегося к изменению мира к лучшему.

В прозвучавших докладах ясно просматривалась необходимость привлечь интерес к существующим точкам зрения и позициям исследователей в экономической социологии. Думаю, докладчикам удалось подчеркнуть характерную для экономической социологии специфическую область влияния — область, в которой остро назрела необходимость критики как модуса интеллектуального и научного действия. Это область экспертизы путей размышления. Этим выражением я хотел бы обозначить приложение социологического знания и социологического способа рассуждения к тем действительным знаниям, которые бытуют в окружающем мире, и в особенности к знаниям об экономических практиках в эпоху позднего капитализма. Прекрасный пример такого рода рассуждения показала Сильвия Уолби, когда она анализировала различные социальные программы и раскрывала различные понимания и обоснования, которые задействуются в их осуществлении. С этой точки зрения можно обнаружить и важное сходство между докладами Майкла Буравого и Джона Хольмвуда. Казалось бы, они обращались к различной проблематике. Тем не менее каждый из них бросил вызов преобладающим видениям экономической социологии. Буравой предложил критику «укрощения» Поланьи, которое практикует экономическая социология, и выдвинул убедительное обоснование альтернативного толкования работ этого ученого. Аналогичным образом Хольмвуд поставил под вопрос то, что можно было бы поименовать ложным сознанием социологов, которые, даже придерживаясь ориентации на

революционное изменение, видят вокруг себя исключительно неолиберальную экономику и не удосуживаются обнаружить в трудовых отношениях являющееся предметом их интереса социальное содержание.

Но какое отношение все это имеет к критике практик, в пользу которой так веско высказывался Эндрю Сэйер? Мне кажется, самое прямое. И в этом, на мой взгляд, состоит второй важнейший вклад экономсоциологов в дискуссии на Форуме. Ведь, как поучительно показали социальные исследования науки, практики социологического знания сами по себе являются социальными практиками. Следовательно, критическая рефлексия своих собственных предпосылок и точек зрения является для экономической социологии важнейшим делом. Более того, такая рефлексия совершенно естественным образом будет и критикой практик за пределами собственно науки: знание, которое производит экономическая социология, не является невинным. Напротив, это такое знание, которое подчас покидает пределы академии и проникает не только в общественные дискуссии, но и в наличные социальные, хозяйственные, рыночные практики в качестве знания самих действующих. Воспользуюсь понятием и различием Майкла Буравого: посредством как «традиционной публичной социологии», то есть популярных книг, образования, средств массовой информации, — так и «органической публичной социологии», то есть участия социологов в практиках экспертного знания, экономическо-социологическое знание включается в социальный мир и влияет на него. Стоит добавить, что многие задачи, которые, казалось бы, не имеют отношения к публичной социологии, такие, как маркетинговые исследования, в преобразованном виде также проявляют некоторые ее черты в силу того, что они используют социологические знания и позиционируют себя как социологические практики. Все это находится на повестке дня экономической социологии, вступившей на путь критики. Настало самое время открыто и с энтузиазмом пойти по этому пути.